

Именно здесь произойдет существенная перемена с героями повести, их имена обретут онтологическую сущность.

Таким образом, повесть «Апеллесова черта» свидетельствует о поисках начинающим писателем своего специфического языка. Эти поиски осуществляются в самых разных направлениях, в том числе и на уровне пространственно-временных отношений, причем часто хронотоп в прозе поэта формируется в соответствии с теми же принципами, что и в поэзии, в особенности в тех случаях, когда автор решает художественные задачи, близкие поэзии (передать эмоции, настроение, ритм). Хронотоп абзаца и второй главы повести «Апеллесова черта» в целом строится по принципу: от единичности к всеобщности, от закрытости к открытости, от узкого пространства к широкому, обобщающему взгляду. Такая же пространственно-временная организация характерна и для лирических произведений Пастернака.

Примечания

1. Эйхенбаум Б. М. Поэзия и проза // Учен. зап. Тартус. ун-та. Тарту, 1971. С. 474–479. (Труды по знаковым системам; Вып. 284).
2. Современный словарь иностранных слов. М., 1993. С. 696.
3. Хоц А. Н. Структурные особенности пространства в прозе Достоевского // Достоевский: Материалы и исслед. СПб., 1994. Т. 11. С. 54, 58.
4. Заманская В. Экзистенциальное сознание и пути его стиливого воплощения в русской и западноевропейской литературе первой трети XX в. // XX век. Литература. Стилъ: стиливые закономерности русской литературы XX века (1900–1950). Екатеринбург, 1998. Вып. 3. С. 37.
5. Тексты Пастернака цит. по: Пастернак Б. Л. Собр. соч.: В 5 т. М., 1989–1991. В круглых скобках после цитаты указываются том и страницы.
6. Баевский В. С. К поэтике пространственных отношений в лирике Пастернака // Пространство и время в литературе и искусстве. Даугавпилс, 1990. С. 80–82.
7. Хоц А. Н. Структурные особенности пространства в прозе Достоевского. С. 72.

© Никишин Д. В.
г. Екатеринбург

СПОРТ МЕЖДУ СТРОК

Общепризнано сегодня рассматривать спорт как самостоятельную часть жизни человека, позволяющую ему полноценно ощущать реальность события, разыгрываемого специально для него. Часто в спорте человек переживает именно те эмоции и чувства, которые не обнаруживает в повседневности, нагоняющей на него тоску и отчужденность. Именно в связи с этим спортивная практика широко изучается современными философами, психологами, социологами, культурологами [1].

Здесь я хотел бы обратиться к такой стороне спорта, которая достаточно очевидна (в отличие, например, от психоаналитического прочтения спорта) и наглядна, но при этом мало изучена и почти не представлена в научных работах. Речь идет о понимании спорта как художественного действия. Но

нам интересен спорт не как театр, где спортсмены и болельщики — актеры, а как он прочитывался вообще в художественной мысли, какие его особенности привлекали писателей и поэтов, сценаристов и режиссеров. Ведь «в переживании искусства присутствует полнота значения, принадлежащая не только данному особому содержанию как предмету, но скорее представляющее смысловое целое жизни» [2, с. 114].

Поэтому статья будет структурирована как обзорная, где можно будет показать то множество идей, возникавших в умах художников и давших пищу для размышлений мне и, рассчитываю, что и вам, уважаемый читатель.

Спорт как ритуализированная практика

Спорт привлекал людей поэзии и прозы, можно сказать, от самого возникновения письменности и формирования художественного жанра. Если брать западноевропейскую традицию, то примеры можно уже найти в произведениях Гомера — в «Илиаде» и «Одиссее». Так, Ахилл и Одиссей множество из своих поступков совершают, борясь и храбро сражаясь, всегда выходя победителями и показывая пример остальным [3, VI, с. 208; XI, с. 783; 4, XIII, с. 291–295]. Строго говоря, в античности спорта никогда и не было — действия древних (как и впоследствии Олимпийские игры) являлись выражением агона. Агон для греков был соревнованием, где подтверждалось выполнение воли олимпийских богов [5, с. 177–184], оттого и существуя (в непосредственной и художественной реальности) именно как ритуал. Особенно ярко это заметно в «Олимпийских одах» грека Пиндара, всю свою жизнь посвятившего прославлению участников олимпийских соревнований [6]. Подтверждение этому находим и в диалогах Платона. Например: «Божество по своей природе достойно всевозможной блаженной заботы, человек же — это какая-то выдуманная игрушка бога, и по существу, это стало наилучшим его назначением. Нужно проводить жизнь в игре, играя в определенные игры, устраивая жертвоприношения, дабы расположить к себе богов и отбить врагов, победив их в бою. В этом высшее назначение человека» [7, т. 4, с. 255–256.].

Тем не менее эти практики агона древних (в своей материальности и духовности) оказали свое влияние на игры эпохи Нового времени.

Обратим внимание, что в Древнем Риме предпочтение уже отдавалось не активным занятиям, которые считались бесполезными и вредными, а пассивному уходу за телом, особенно в термах (банях). Так, известны скептические высказывания по поводу физических тренировок Сенеки и сатирическое замечание Ювенала: «Надо молить, чтобы ум был здоровым в теле здоровом» [8, XV, с. 1–2; 9, 10, с. 356–362]. Не случайно это отношение нашло свое законченное выражение в требовании «Panem et circenses» («Хлеба и зрелищ» [9, 10, с. 81]), хотя и здесь это было все то же следование ритуальной традиции восхваления богов.

Художественная литература Средних веков не оставила отличительных «памятников» своего отношения к спортивной практике. Во многом это

связано с утверждением христианской традиции, строго запрещавшей любые языческие игры, указывая на их очевидную связь с дьяволом: буйство эмоций, восхваление плоти и телесности, кровопролитие — ведь в агоне допускалась и смерть участника.

Спорт как метафора жизни

С момента внутреннего раскрепощения человека уже в эпохе, получившей название Ренессанс, литераторы обратили пристальное внимание на спортивное событие. Развитие прежних игр, известных еще грекам и римлянам, и формирование новых (теннис, футбол) давали массу размышлений, причем не всегда положительных, а скорее язвительных и иронических. Так, Ф. Рабле не скрывает своего отношения к теннису, который стал достоянием светского образования:

*Если ваши карманы набиты теннисными мячами,
В руках ракетка, на голове шляпа с полями,
В ногах — неумная жакета танцев, а в мозгах — сплошная вата,
Значит, Вы вполне созрели до степени доктора или кандидата [15, с. 42].*

С другой стороны, Шекспир истолковывал теннис и в более глубоком философском смысле, как метафору судьбы человека, попавшего в бушующее море.

*Бушующее море, что огромный корт,
Где слабый человек — лишь мяч,
Которым ветер и вода
Играют страшный матч.*

А в «Генрихе V» Шекспир сравнивает теннисный матч с военной битвой, наградой за которую является корона, право на царство [10, с. 43].

Английский писатель и поэт Генри Пичем был автором многих произведений, в которых пропагандировал пуританскую идеологию. В стихотворной поэме «Британская Минерва» (1612) он следующим образом интерпретирует теннис:

*Мяч теннисный, когда о землю ударяют
Тебя ракеткой или просто так, рукой
И вновь с огромной силой возвращают,
Ты выглядишь, хоть неразумен, как живой.
Чем больше сила твоего падения,
Тем больше сила в небо возвращенья.
Когда же Бог, сидящий в небесах, бросает нас на землю, в прах,
То слабый человек как мяч в его руках.
Он должен мужество показывать всечасно
И не страшиться каждой ерунды напрасна.
Когда Фортуна любит нас, должны всего бояться,
Но с тиранией встретившись, должны сражаться.*

По мнению Пичема, судьба человека predetermined божественной волей и поэтому каждое возвышение должно сопровождаться падением. Аллегория с теннисом показывает слабость человеческой натуры, подчинение ее божественному провидению [10, с. 45–46].

Появление и утверждение идеологии протестантизма в итоге вообще перевело спорт в иное измерение — коммерческое, дав ему и имя собственное (от франц. *disport* — развлечение) [11, с. 197; 12, с. 108–155]. Но спорт как коммерческая практика не нашел своего исследования (и исследователя) в литературе. Непосредственная реальность спорта мало кого волновала, спорт желали понимать метафорически, образно, ярко, эмоционально. В связи с этим мы практически не находим спортивного события в художественных произведениях эпохи Нового времени, как, впрочем, и позже.

Оставляя в стороне многообразие европейской и отечественной литературы, посвященной теме спорта (игры) как метафоры жизни (Ф. Достоевский «Игрок», В. Набоков «Защита Лужина» и др.), хотелось бы заострить особое внимание на интерпретации спорта в современном искусстве.

Особую значимость, на мой взгляд, приобретает кинематограф, влияние которого сравни влиянию электронных СМИ. Хочу отметить здесь два фильма, в которых тема спорта-игры (развлечения) приобретает философский характер.

Первый фильм — «Бойцовский клуб» (снятый по одноименному произведению Чака Поланика), где герой Эдварда Нортона превращает свой отчужденный мир в захватывающую схватку, в которой спор практически ведется на уровне выбора жизни и смерти. Тема спорта (в виде организации бойцовского клуба и самих боев по определенным правилам) как борьбы выбрана автором не случайно — ведь «соперничество, стилизованное под “наших” и “не наших”, победа или поражение: все эти жизненные феномены в спортивном событии служат образами и аллегориями для человека альтернативы “все или ничего”» [13, с. 136]. Но при этом спорт занимает своеобразное положение между пространством повседневного поведения и абстрактными идеально-типическими образцами действия (например, поведение, ориентированное исключительно на достижение успеха) и служит средством приобщения (стремления) к последнему.

Важно учитывать, что особенность формирования мифического сюжета книги-картины состоит в том, что оно происходит вовсе не естественным образом, а искусственно и рационально (путем намеренной расколотости сознания героя). Онтология спорта как современного мифа являет человеку (одинаково и спортсмену, и зрителю) средства объяснения и прояснения его собственного мира. Эта мифическая онтология не должна представлять разрывность бытия, она выявляется как системность, связность, всеобщность: где как не в мире кровопролитного бойцовского клуба герой ощущает свершение смысла, понимание целей и задач своего существования. Естественно, что подобная мифология не может быть только индивидуальной — она необходимо приобретает характер социальной.

С другой стороны, несмотря на всю кажущуюся позитивность создания и существования бойцовского клуба, авторы указывают, что бунт против реальности ведет не только к разрушению реальности, но и к разрушению себя. Несовершенной оказывается не сама идея создания бойцовского клуба, а

характер бунта — буйный, темпераментный, эмоциональный, действующий на грани дозволенного. Напряжения борьбы не выдерживает сознание героя Эдварда Нортон, выносящего для себя смертельный приговор.

Несколько в ином свете предстает интерпретация спорта-игры как метафоры жизни в другом фильме — «Беги, Лола, беги».

В эпиграф к фильму вынесены слова легендарного немецкого бундестренера по футболу Зеппа Хербергера: «Конец игры — это начало игры», задающие сюжет фильма. Героиня фильма должна спасти из безвыходной ситуации своего возлюбленного — достать 100 тыс. марок, на что ей судьба отводит всего 20 минут. Игра здесь предстает в нескольких измерениях.

Во-первых, чтобы выполнить поставленную задачу, ей необходимо действовать крайне быстро. Оттого и основное занятие ее — это бег, являющийся, по сути, спортивным забегом с явным прицелом на рекорд (в фильме, правда, не сообщается расстояние, которое необходимо преодолеть, но сути это не меняет). Данный бег Лолы имеет скорее символическое онтологическое значение. Этим действием режиссер ярко противопоставляет внутреннюю сущность героини окружающему миру — обыденному, застывшему, консервативному, неподвижному (как ее мать, сидящая в кресле с телефонной трубкой в руках). Ходьба — опоздаешь, какой-либо вид транспорта — возложение неоправданной надежды на что-то иное, кроме себя. Борьба с миром — в процессе бега, и именно своего бега!

Во-вторых, реальность самого бега заключена в трех вариантах развития сюжета фильма. Бег, как свершение смысла, незавершен, пока не достигнута цель — спасение возлюбленного. При этом режиссеру важно показать, что и остальные участники бега Лолы также «получают по заслугам», в соответствии с тем, какую помощь они оказали бегунье (брак, богатство, болезнь и т. п.). Режиссер ищет в бунте героини положительный момент — именно поэтому первые два варианта развития сюжета отвергаются (в первом гибнет возлюбленный Лолы, а во втором — сама Лола) в пользу третьего.

Смысл игры в фильме предстает как нахождение утраченного ранее смысла и душевной гармонии на фоне статичной отчужденности окружающего мира.

Эстетическое в спорте

Появление в конце XVIII в. романтического мировоззрения позволило обратить внимание на игровую составляющую спорта. «Только играя, человек может стать человеком» [14, т. 6, с. 302] — фраза, ставшая одной из основ миропонимания романтиков. Иначе как еще противостоять строгой рациональности науки, всеобщей методичности логики, этическому ригоризму? Романтики чутко переживали отчужденность человека от игры и искали ценности, помогающие ее возродить. Основной такой ценностью признавалась любовь, поднимающая человека над условностью и обыденной серостью окружающего его мира.

Так, например, вся поэзия Д. Байрона пропитана устремлением его героев к постоянной и напряженной борьбе и бунту (пускай и не приносящих

результатов) за свободу творческой мысли и самореализацию. Немаловажную роль в этом сыграла отчаянная увлеченность английского поэта боксерскими состязаниями, где он неоднократно принимал участие.

На стыке XIX–XX вв. усилиями французского дипломата П. де Кубертена возрождаются Олимпийские игры. Девизом игр было определено латинское выражение «Citius! Altius! Fortius!» (Быстрее! Выше! Сильнее!), являясь, с одной стороны, романтическим призывом к преодолению слабости духа и воспитанию воли в себе, а с другой — установкой технократической новоевропейской культуры, требовавшей изменения реальности вообще. Уйти от подобной противоречивости играм не удастся до сих пор.

Литературными усилиями П. де Кубертена создавалась романтическая идеология олимпизма («Ода спорту»). Для него самого эти соревнования «самостоятельных и разносторонне развитых личностей» были осуществлением идеалов гуманизма, а также возрождением образцов физической культуры Древней Греции. Тем не менее олимпизм способствовал утверждению спорта не просто как сферы культурной жизни, а как отдельной сферы социальной и индивидуальной жизни людей, где ярко выражено стремление к красоте и гармонии, любви и дружбе, честности и справедливости.

Но тот же П. де Кубертен ясно сознавал, что «спорт (в любой форме) может вызвать чувства самые благородные и самые низменные; он может стимулировать такие качества, как бескорыстие и честность, как и стремление к получению прибылей; он может быть благородным или извращенным, мужественным или звериным; спорт можно использовать как для укрепления мира, так и при подготовке к войне...» [15, с. 215–216].

Психоанализ спорта

Психоаналитическое прочтение спорта, несмотря на свою популярность сегодня, является практически не исследованным в художественной литературе. Подтверждение этому находим в статье В. Руднева, где он анализирует футбол через топики Фрейда и Юнга и приводит в качестве примеров психоаналитического прочтения стихотворения с одинаковым названием «Футбол» Н. Заболоцкого и О. Мандельштама. В этих произведениях авторы показывают, как обезглавливают (насилюют) героев-футболистов люди, жаждущие крови. Психоанализ понимает разрыв головы и тела (форвард головой забил мяч в ворота — Его взяло вверх над Super-Ego!) как символическую жертву во спасение реальности, чтобы не осуществилась избыточная непристойность желания [16, с. 65].

Противопоставление его игрока superego голкипера показано в футбольном эпизоде романа Ю. Олеши «Зависть», где немецкий форвард Гецке противопоставлен советскому вратарю Володе. «Володе был важен общий ход игры, общая победа исход, Гецке стремился лишь к тому, чтобы показать свое искусство». При этом важно, что матч происходит на фоне сексуальной атмосферы отношений Кавалерова и Вали. Характерно, что, когда мяч, попадая на трибуну, падает прямо к ногам Кавалерова, тот даже не

находит в себе сил, чтобы поднять его и бросить обратно на поле, чем символизирует свою полную сексуальную несостоятельность в глазах Вали.

Наконец, при таком анализе весьма отчетливо представляются отношения главных героев повести Л. Кассиля «Вратарь республики». Меланхоличный журналист-еврей Евгений Карасик и экспансивный русский спортсмен-богатырь Антон Кандидов участвуют в прославлении советского образа жизни через спорт, а конкретно — футбол. Первый предстает в роли символического отца для второго (живущего по принципу удовольствия), постоянно пытаясь повлиять на эмоциональность Кандидова. Например, когда Кандидов рвется уехать (и уезжает!) зарубеж из-за того, что чувствует в себе нереализованные возможности, но в итоге осознает свое заблуждение под влиянием Карасика, наставляющего, что настоящий почет и успех ждет Кандидова только на Родине — в Советском Союзе.

Весьма показательными в повести предстают сами футбольные матчи, в которых непосредственное участие принимают герои — Карасик (как полевого игрока) и Кандидов (как вратаря). Кассиль придает роли вратаря особое значение — он страж ворот, охраняет целостность («невинность») команды (республики!), не допуская практически промахов в игре (если Кандидов пропускает мяч, то это сравни половому насилию). Кандидов — супергерой, он несет в себе заряд и бессознательного и Супер-Эго, и не случайно, что именно он в игре с иноземными «Буйволами» свои проходом с одного конца поля к другому, завершившимся забитым голом, решает исход поединка в пользу своих партнеров. По сути, в этом поступке очевидна напряженная борьба Эроса и Танатоса, имеющая своим результатом победу первого [17, с. 592–613].

В завершение хочу сказать: тема спорта многолика и неоднозначна. Требуется всесторонний анализ тенденций, выявленных художниками в интерпретации спортивного события. Считаю, что качество и эффективность данного анализа во многом будут зависеть от увлеченности самого исследователя спортивной проблематикой и спортивной практикой. Спорт достоин того, чтобы его читать между строк.

Примечания

1. Логос. 2006. № 3.
2. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. М., 1988.
3. Гомер. Илиада / Пер. В. В. Вересаева.
4. Гомер. Одиссея / Пер. В. А. Жуковского.
5. Ницше Ф. Гомеровское соревнование // Фридрих Ницше и русская религиозная философия. Минск; Москва, 1996.
6. Пиндар. Вакхилид: Оды, фрагменты. М., 1980.
7. Платон. Законы // Платон. Собр. соч. М., 1994.
8. Сенека. Нравственные письма к Луциллию. М., 1977.
9. Ювенал. Сатиры. СПб., 1994.
10. Цит. по: Шестаков В. П. Философия и теннис // Вопр. философии. 2002. № 9.
11. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

12. *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. М., 1987.
13. *Ленк Х.* Спорт как современный миф? // Разум и экзистенция: анализ научных и вненаучных форм мышления / Под ред. И. Т. Касавина и В. Н. Поруса. СПб., 1999.
14. *Шиллер Ф.* Письма об эстетическом воспитании человека // Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. М., 1957.
15. Цит. по: *Олисова В.* Люди и игры: у истоков современного спорта. М., 1985.
16. *Руднев В.* Психоанализ футбола // Логос. 1999. № 8.
17. *Livers K. A.* The soccer match as stalinist ritual: constructing the body social in Lev Kassil's *The Goalkeeper of the Republic* // The Russian Review. 2001. № 60.

© Николаева Е. А.
г. Саранск

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ МАТРИЦА ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ

Женское литературно-художественное творчество не только завоевало свое место в отечественном культурном пространстве, но и постепенно обретает научный статус. Первым шагом тому послужили многочисленные работы критиков, представленные в периодике начиная с XIX в. На современном этапе уверенно развивается теория женской литературы, трактующая ее как вербальное воплощение женской ментальности посредством системы культурно опосредованных символов женственности.

Женская литература как многоуровневая система, подчиняющаяся собственным законам, отличается, во-первых, полиэлементностью женского творчества. В результате взаимодействия отдельных компонентов литературная система приобретает особое свойство, отличное от свойств ее составляющих. Так, женская литература состоит из множества произведений, относящихся к одному из трех литературных родов, каждый из которых соответствует определенной функции слова: репрезентативной (эпос), эмоциональной (лирика) и коммуникативной (драма). В результате их объединения основным свойством женской литературы является стремление к возможности внести в современное литературное творчество иные, отличные от официально признанных, знаково-символические элементы, порожденные архетипом Матери, что позволит дополнить описание созданной с позиций патриархата картины мира. Во-вторых, исследование подобной системы должно проводиться при условии сочетаемости трех аспектов: предметного, функционального и исторического.

Учитывая изложенное выше, женскую литературу можно представить в качестве типологической биосоциокультурной модели, состоящей из четырех пластов:

1. *Ядро модели* — архетип Матери, элемент бессознательного, который определяет отражающуюся в тексте гендерную специфику женской ментальности.